

Леонов Иван Владимирович

МАКРОИСТОРИЧЕСКАЯ КОМПОНЕНТА КАРТИНЫ МИРА

Настоящая статья посвящена изучению сущности и специфики макроисторической компоненты картины мира. Анализ различных аспектов отмеченного феномена осуществляется в контексте теоретико-методологических установок О. Шпенглера. В частности, в статье дается общая характеристика "проблемного поля" макроисторических исследований, описаны механизмы становления и развития макроисторической компоненты картины мира, а также рассмотрена ее роль в развитии философского и отраслевого знания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. I. С. 119-125. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 008

Культурология

Настоящая статья посвящена изучению сущности и специфики макроисторической компоненты картины мира. Анализ различных аспектов отмеченного феномена осуществляется в контексте теоретико-методологических установок О. Шпенглера. В частности, в статье дается общая характеристика «проблемного поля» макроисторических исследований, описаны механизмы становления и развития макроисторической компоненты картины мира, а также рассмотрена ее роль в развитии философского и отраслевого знания.

Ключевые слова и фразы: макроистория; ноогенез; картина мира; макроисторическая компонента картины мира; гештальт истории; парадигма.

Леонов Иван Владимирович, к. культурологии

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
ivaleon@mail.ru*

МАКРОИСТОРИЧЕСКАЯ КОМПОНЕНТА КАРТИНЫ МИРА[©]

Перед тем, как перейти к непосредственному рассмотрению сущности и специфики макроисторической компоненты картины мира, целесообразно определить основные контуры изучаемой проблематики, а именно следует охарактеризовать ряд общих вопросов, содержание которых позволяет говорить о наличии базисного элемента, обеспечивающего формирование представлений о макроисторической реальности на мировоззренческом уровне. Во-первых, необходимо раскрыть предметные рамки и смысловое значение основных категорий, применяемых для обозначения сферы макроисторических исследований. Во-вторых, надлежит установить дисциплинарный статус исследовательской области, направленной на познание макроистории. В-третьих, представляется уместным осуществить анализ «предельных уровней» макроисторических представлений в контексте различных дисциплин. И, наконец, в-четвертых, следует обозначить наличие базисных оснований, определяющих развитие макроисторических исследований на междисциплинарном уровне.

Вопрос обозначения сферы макроисторических исследований на категориальном уровне в настоящее время однозначного решения не имеет. В самом общем смысле под макроисторией понимается уровень осмысления исторического процесса в рамках максимальных пространственно-временных «длительностей», включая стартовую и финальную фазы истории, а также фиксацию основных метаисторических тенденций и закономерностей. Однако, достаточно легкая для понимания смысловая нагрузка, означающая универсальный или предельный уровень постижения сущности и специфики истории, породила в научном знании весомое число «состоятельных» категорий и определений. Одной из причин данного «почкования» категорий является то, что само понятие «история» содержит в себе, в том числе, и макроуровень и, соответственно, направлено на отражение универсальных тенденций и законов истории. Однако, помимо сказанного, отмеченный термин включает и иные смысловые нагрузки, относящиеся к уровню средних и частных хронологических последовательностей вплоть до событийной истории и истории повседневности. Соответственно, с течением развития исторического знания и его выхода на макроуровень осмысления исторической реальности в XVIII в. возникла необходимость фиксации универсального или предельного уровней понимания истории в рамках отдельной категории. В результате в XVIII-XXI вв. научный лексикон исторических исследований обогатился такими категориями и определениями, как «универсальная история», «большая история», «макроистория», «история цивилизаций», «всеобщая история», «культурно-исторический процесс», «мировая история», «история мировой культуры» и многими другими. Исходя из отмеченной ситуации, приходится констатировать, что использование перечисленных дефиниций для обозначения макроуровня осмысления истории является делом «вкуса» отдельных ученых и не снимает проблему выбора общепринятой категории.

Относительно дисциплинарного статуса макроисторических исследований ситуация не менее противоречива, поскольку макроисторический анализ является достоянием многих наук. Разумеется, в первую очередь, речь идет о собственно исторической науке, однако анализ большого числа макроисторических концепций показывает, что их авторы в основном не относят себя к представителям исторической науки в строгом смысле этого слова. Одной из причин данной ситуации является то, что для исторического знания важен фактор установления четкой исторической достоверности и истины, поскольку историческое исследование, в первую очередь, направлено на выявление хроноструктурных последовательностей и поиск причинно-следственных связей между явлениями и событиями. Кроме того, историк-профессионал, как правило, опирается на определенную теорию макроисторического процесса, принимающую на некоторый период развития науки парадигмальный характер, обеспечивая предельный уровень понимания истории. Более того, «размытые философствования» по поводу смысла и назначения истории многими «цеховыми историками», особенно среди сторонников постулатов классической научной парадигмы, воспринимаются достаточно скептически. Говоря о «предельном уровне» макроисторических представлений в пространстве исторической

науки, следует отметить, что в большинстве случаев трактовка макроистории осуществляется в рамках какой-либо господствующей концепции, имеющей парадигмальный характер и формирующей своеобразный «интеллектуальный фон» для понимания истории.

Помимо собственно исторической науки, макроисторические исследования являются достоянием многих гуманитарных дисциплин, предметное поле которых включает анализ исторического развития феноменов культуры в самом широком смысле этого явления. Наиболее ярко данные тенденции представлены в культурологическом знании, направленном, в том числе, и на поиск универсальных законов истории культуры человечества. Кроме того, макроисторическая проблематика достаточно часто затрагивается в таких науках, как история искусства, фольклористика, этнология, социология, политология, экономика и некоторых других. Анализ «предельных уровней» понимания макроистории в отмеченных дисциплинах показывает их полное тождество с тем, как обстоят дела с решением данного вопроса в исторической науке, а именно – некая парадигмальная теория определяет понимание макроистории до тех пор, пока не происходит смена парадигмальных установок в отмеченной области знания и на ее место не приходит другая господствующая теория.

Относительно рассмотренных дисциплин роль транслятора различных версий базисных или парадигмальных представлений о сущности и предназначении истории выполняет философия истории. Данная область знания, формируя «пороговые» значения в постижении исторических законов и тенденций, обеспечивает макроисторические представления в контексте различных наук. Однако философия истории, будучи направленной на выявление наиболее общих установок для понимания истории общества, не позволяет выйти на уровень осмысления изначальных предпосылок рождения исторических представлений в сознании человека и, тем самым, ограничивает собственное предметное поле. Дело в том, что определенная степень понимания макроистории формируется в том числе и в тех сообществах и культурах, в которых не возникла не только философия истории, но и наука как таковая. Более того, согласно взглядам О. Шпенглера, представления об истории возникают на уровне мировоззрения фактически одновременно с появлением культуры, включая ее самые ранние стадии, соответственно, еще до того момента, как культура станет способна не только на философскую и научную, но и на само-рефлексию. Иначе говоря, существует область формирования макроисторических представлений, опережающая их концептуализацию в философском и научном знании. Изучению данной области и посвящена настоящая статья.

Исходя из взглядов О. Шпенглера на рассматриваемую проблематику, уместно констатировать, что первые концепты макроистории формируются на уровне мировоззрения, как только в рамках той или иной культуры начинает вырисовываться способность к целостному осмыслению мира. Далее отмеченные знания устойчиво сохраняются и сопричастуют в картине мира, оказывая влияние на развитие макроисторических представлений в контексте философского и научного познания. Разумеется, представления о макроистории заполняют далеко не все содержание той или иной картины мира, а лишь ее часть, причем часть, которая присутствует в картине мира в обязательном порядке. Данные обстоятельства, позволяющие вести речь о существовании «макроисторической компоненты картины мира», делают задачу изучения сущности и специфики отмеченного феномена достаточно востребованной и актуальной.

Изучение макроисторической компоненты картины мира требует рассмотрения следующих аспектов указанной проблематики. Во-первых, целесообразно установить роль картины мира в развитии знаний. Во-вторых, необходимо рассмотреть существующий научный опыт, направленный на выявление и концептуализацию макроисторической компоненты картины мира. В-третьих, следует рассмотреть теоретические вопросы, связанные с выявлением особенностей и закономерностей, лежащих в основе формирования и развития макроисторической компоненты картины мира.

Изучение роли картины мира в развитии знаний уместно начать с рассмотрения сути отмеченного феномена на самом общем уровне. По существу, картина мира – это первый целостный ноогенетический концепт, формирующийся в сознании человека и позволяющий ему адаптироваться к окружающей среде. Картина мира определяет весь спектр взаимодействий человека с вмещающей средой и задает основные векторы развития его познавательных способностей.

Функциональные истоки картины мира можно отследить, рассматривая развитие «знаний» о мире, возникающее в контексте жизнедеятельности живых систем. В частности, достаточно любопытной выглядит трактовка отмеченного процесса в работах Ф. Капры. По мнению автора, любые организмы, взаимодействуя с вмещающей реальностью, в процессе адаптации к ней проявляют способность к выработке и сохранению «знаний». Разумеется, в данном случае следует сделать оговорку на то, что Ф. Капра трактует «знание» в максимально широком смысле, используя данный термин для обозначения результатов погружения организмов в «когнитивную сферу», представляющую собой не иначе как процесс адаптации последних к вмещающей среде [3, с. 288, 307]. Основные параметры «когнитивной сферы», по мнению Ф. Капры, определяет диапазон «...взаимодействий с окружающей средой, которые может осуществлять живая система...» [Там же, с. 290], в результате чего последняя получает, условно говоря, некоторые «знания», позволяющие ей самосохраняться и воспроизводиться. Разумеется, способы получения, сохранения и трансляции «знания» у разных организмов существенно отличаются, начиная от генетических мутаций и заканчивая высшей нервной деятельностью и интеллектуальными операциями.

Основные механизмы рождения «знания» строятся на способности живых существ выявлять «регулярности» и «повторы» в определенном пространственно-временном диапазоне и, соответственно, вырабатывать адекватные реакции на фиксируемые «ритмики». Разумеется, данный процесс строится исходя из генетических,

физиологических и прочих особенностей строения различных организмов, но его суть для всех живых существ принципиально однообразна, а именно поиск «ответов» на «вызовы» реальности посредством метода проб и ошибок, направленных на синхронизацию ритмик собственной жизненной активности с «регулярностями» окружающей среды. Характеризуя отмеченный процесс, К. Поппер отмечает, что данный метод «...применяется не только Эйнштейном, но – более догматически – даже амебой. Различие заключается не столько в пробах, сколько в критическом и конструктивном отношении к ошибкам...» [6, с. 269].

Однако наибольший интерес в контексте настоящей работы представляет тот факт, что «знание» организмов, изначально рождаясь во фрагментарном виде, в любом случае направлено на формирование «целостностей» или, продолжая логику Ф. Капры, целостных систем «знаний» организмов об окружающей среде или о «мире». Отмеченные системы представляют собой гарант безопасного существования организмов и транслируются от поколения к поколению, закрепляясь и частично мутируя на различных уровнях: генетическом, рефлексорном, интеллектуальном. Таким образом, на уровне сущностного строения живых систем проявляется способность последних к выработке целостных адаптивных структур, в том числе и их ноогенетических разновидностей.

Опираясь на приведенный материал, можно констатировать, что человек, адаптируясь к среде, на сущностном уровне склонен к выработке целостных представлений о мире. Разумеется, данный процесс строится с учетом всего спектра сугубо человеческих характеристик знания, включая развитие высшей нервной деятельности, интеллекта, способности человека к саморефлексии, способности наделять мир смыслом, аксиологическую, эстетическую и этическую составляющую природы человека. В отмеченном ракурсе картина мира предстает как надгенетический синкретичный комплекс знаний, обеспечивающий наиболее общие представления о вмещающей реальности, и, соответственно, синхронизацию «ритмов» существования человека с «ритмами» среды в процессе адаптации.

Логика формирования картины мира определяется, в первую очередь, условиями «проблемной ситуации», с которой сталкивается человек в процессе адаптации, а также потребностями человека, находящегося в рамках определенной «когнитивной сферы». Исходя из того, что человек – существо, ведущее коллективный образ жизни, можно заключить, что параметры и масштабы картины мира, а также механизмы ее создания, трансляции и мутаций определяются «когнитивной сферой» человеческих сообществ. И, поскольку высшей формой надгенетических адаптивных структур человеческого общества является культура, уместно заключить, что картина мира является ее первичной ноогенетической целостностью, иначе говоря, базисным концептом, представляющим синкретичное начало для развития отраслевого знания. Подобный ракурс позволяет рассматривать картину мира как исходный пункт, детерминирующий развитие и дифференциацию ноогенетической активности у представителей всех культур. В данном случае показательным мнением М. С. Кагана, отводящего картине, или «модели мира» роль интегрального элемента для идентификации типологического своеобразие различных культур, поскольку «...модель мира включает в качестве неперменных компонентов определенную “онтологическую гипотезу” – концепцию *отношения человека к миру* <...> и *к самому себе*...» [7, с. 79]. И далее автор отмечает, что модель мира включает «...принципы иерархизации ценностей и парадигмы научного познания, если только ценностное и научно-познавательное отношения разошлись и самоопределились...» [Там же].

Отмеченный подход, направленный на фиксацию базисного статуса картины мира в развитии и дифференциации знания, позволяет говорить о том, что наряду с общими представлениями о мире, в качестве необходимого элемента мироустройства картина мира, несмотря на ее внутренний синкретизм, должна содержать макроисторическую компоненту. Названное обстоятельство позволяет перейти к следующему пункту настоящей статьи, в частности, к рассмотрению существующего научного опыта, направленного на выявление и концептуализацию макроисторической компоненты картины мира.

В анализе данного вопроса, в первую очередь, обращает на себя внимание научное наследие О. Шпенглера, известного своей теорией организменного развития культуры. Однако отмеченный уровень знаний о научном наследии О. Шпенглера является далеко не полным и не раскрывает всего потенциала «Заката Европы». Именно в работах данного автора содержится теоретико-методологический фундамент, позволяющий вести речь о наличии макроисторической компоненты картины мира. На первый взгляд подобный акцент может показаться неожиданным, поскольку О. Шпенглер известен в основном как автор достаточно ясной и простой для понимания модели истории, реализующей логику рождения, расцвета и умирания различных организмов культуры посредством их перехода в стадию цивилизации.

Дело в том, что существует ряд факторов, ведущих к распространению упрощенных трактовок теории автора не только в научно-популярной сфере, но и в области большой науки. В частности, одной из причин нивелировки научного наследия О. Шпенглера является то, что «Закат Европы» создавался в период коренной ломки парадигмальных устоев классического знания, когда целью исследования становилось в первую очередь опровержение, а не создание новых ноогенетических конструктов. Реализуя отмеченные тенденции, О. Шпенглер, со свойственным ему пафосом изложения материала, констатируя, что ему удалось создать исчерпывающий гештальт истории, сформировал достаточно весомую «апологетику» вокруг собственной «альтернативной теории», нанеся удар по европоцентристской картине макроистории и тем самым шокировав этим современников. Однако данная «апологетика», по сути, отменила теоретико-методологические изыскания О. Шпенглера в области постижения истории, сместив акценты с общих аспектов теории познания истории на ее авторский «гештальт». В итоге относительно наследия О. Шпенглера сформировалось устойчивое противоречие. Так, с одной стороны, О. Шпенглер предложил достаточно ясную теорию развития

знания в области постижения истории, предполагающую ее многовариативное осмысление в контексте разных культур. С другой стороны, исследователь сам представил ее «единственно верную» и «исчерпывающую» интерпретацию, в результате в оценках научного наследия автора выбор был сделан в пользу последнего аспекта. Помимо сказанного, следующей причиной нивелировки наследия О. Шпенглера является то, что язык «Заката Европы» по большей части был рассчитан на массовую аудиторию, нежели на рафинированную научную публику. В результате, относительно содержания его работы был сформирован целый слой упрощенных и адаптированных для массового восприятия трактовок, глубоко засевших в научно-популярной, учебной и даже научной литературе.

Итак, если отбросить упрощенные варианты трактовок содержания «Заката Европы», становится очевидно, что работа автора содержит ряд до сих пор по-настоящему не оцененных теоретико-методологических установок, направленных на постижение вопросов работы сознания в процессе овладения историей. В частности, процесс познания мира в трактовке О. Шпенглера строится посредством создания его «гештальтов» со стороны познающего субъекта. «Гештальты» в данном видении предстают как целостные «образы» мира или ноогенетические конструкции, возникающие в обязательном порядке в процессе освоения мира человеком, при этом данные «образы» «...вовсе не обязательно являются действительностью» [8, с. 163]. Кроме того, отмеченный процесс «гештальтизации», согласно О. Шпенглеру, носит многовариативный характер и тесным образом связан с субъективной стороной познавательного процесса, поскольку «различен лишь глаз, в котором и через который осуществляется этот мир» [Там же]. В таком видении пространство познания концептов мира предстает как достаточно внушительная совокупность его различных «гештальтов» или «целостных образов», созданных человечеством на протяжении ноогенеза.

Анализируя основные способы познания мира, О. Шпенглер, опираясь на философские взгляды Гете, пришел к выводу, согласно которому на самом общем уровне для человека существуют «...две крайние возможности упорядочения окружающей действительности в картину мира» [Там же, с. 298], а именно понимание мира с позиций «мир-как-природа» и «мир-как-история». Характеризуя качественную разницу отмеченных способов освоения мира, О. Шпенглер отмечает, что «природа – это гештальт, в рамках которого человек высоких культур сообщает единство и значение непосредственным впечатлениям своих чувств. История – гештальт, из которого его фантазия стремится постичь живое бытие мира по отношению к собственной жизни и тем самым интенсифицировать ее действительность» [Там же, с. 163]. Однако при всей своей противоположности данные способы восприятия мира, не имея точной границы между собой, тесным образом взаимосвязаны, всегда соприкасаются и проявляются в каждом акте познания. Соответственно, определяя доминанту познавательных стратегий у того или иного субъекта, речь можно вести лишь о степени преобладания одного способа овладения миром над другим, поскольку «в каждом человеке, в каждой культуре, на каждой культурной стадии встречается изначальная предрасположенность, изначальная склонность и предназначение отдавать предпочтение одной из двух форм в качестве идеала миропонимания» [Там же, с. 301].

Вопрос преобладания в отмеченном соотношении «миров», по мнению О. Шпенглера, решается в пользу «мира-как-истории», поскольку «...история есть *изначальная*, а природа, в смысле некоего усовершенствованного мирового механизма, *поздняя* форма мира, доступная фактически лишь человеку зрелых культур» [Там же, с. 303]. Более того, способность создавать гештальты «мира-как-природы» оценивается О. Шпенглером как достаточно редкий способ овладения действительностью, проявляющийся в городской среде на поздних и даже старческих стадиях развития организма культуры. В свою очередь гештальты «мира-как-истории» свойственны всему человечеству и возникают в культурах уже на самых ранних стадиях развития. Более того, их возникновение происходит само собой и менее сознательным способом, нежели того требует создание гештальтов «мира-как-природы».

Исходя из данной диспозиции «миров», можно заключить, что макроисторическая компонента является частью любой картины мира. Иначе говоря, ноогенетических концептов истории на мировоззренческом уровне существует как минимум столько, сколько существует картин мира, поскольку, как отмечает О. Шпенглер, «...у каждой культуры, а в ней с незначительными различиями и у каждого отдельного человека, есть исключительно собственный тип истории, в картине и стиле которой он непосредственно созерцает, чувствует и переживает общее и личное, внутреннее и внешнее, всемирно-историческое и биографическое становление» [Там же, с. 345].

Таким образом, определив статус макроисторической компоненты как первичной и обязательной части картины мира, можно перейти к рассмотрению теоретических вопросов, связанных с выявлением особенностей и закономерностей, лежащих в основе ее формирования и развития. Анализ отмеченных вопросов уместно провести, разделив их на две группы, в частности на те, которые касаются априорных оснований формирования макроисторической компоненты, и на те, которые затрагивают апостериорные основания ее генезиса.

Априорные, или данные изначальными основаниями формирования макроисторической компоненты картины мира находят свое проявление в генетической обусловленности познавательного процесса, иначе говоря – в сферах, связанных с устройством высшей нервной деятельности. В данном случае речь идет о том, что способность человека осваивать окружающий мир не является исключительным достоянием отдельных личностей. В первую очередь, отмеченная способность подкреплена генетической обусловленностью или видовым единообразием *Homo sapiens*. В частности, согласно работам М. Коула, между представителями различных рас и культур не наблюдается качественных различий относительно их изначальных, или

априорных познавательных способностей [4]. Напротив, в сфере анализа приобретенных факторов, оказывающих влияние на ноогенез, дело обстоит гораздо сложнее, но об этом ниже.

Отмеченное единообразие, выраженное в тождестве высшей нервной деятельности у представителей вида, является своеобразным фундаментом, или общим базисом для развития ноогенетических структур человека. Отмеченный фактор является достаточно важным элементом теории познания, поскольку его наличие позволяет говорить не только об общности исходных или стартовых оснований познавательного процесса у представителей вида, но и о принципиальном тождестве внутривидовых механизмов развития интеллектуальных способностей, включая особенности функционирования сознания. Иными словами, можно заключить, что люди познают так, а не иначе просто потому, что такова общая природа их сознания. Одним из лучших примеров аргументированного и последовательного изучения отмеченных процессов являются работы Ж. Пиаже, в которых автор достаточно подробно описал длительный путь, содержанием которого является развитие всех компонентов высшей нервной деятельности человека, включая эволюцию интеллекта [5].

Указанные характеристики сущностных сторон познавательного процесса позволяют констатировать, что равенство стартовых, или априорных оснований в познании мира делает возможным выявление общих ноогенетических механизмов и «матриц», используемых субъектом в ходе создания макроисторической компоненты картины мира.

Как уже было отмечено выше, механизм рождения «знания» строится на способности человека фиксировать «регулярности» и «повторы» в определенном пространственно-временном диапазоне и, соответственно, вырабатывать адекватные реакции на фиксируемые «ритмики», наделяя полученное знание ценностной и смысловой составляющими. Отталкиваясь от отмеченной логики рождения нового знания, вполне уместным и достижимым представляется решение вопроса описания «ноогенетической матрицы», лежащей в основе генезиса макроисторической компоненты картины мира.

Относительно названной матрицы можно констатировать, что ее пространственно-временной диапазон охватывает весь объем существующих взаимодействий между человеком и средовым фактором, включая воображаемое пространство и время. В отмеченном диапазоне человек определяет так называемые «базисные регулярности» мира, как правило, лежащие в основе его реального функционирования и обеспечивающие жизненно важные потребности человека. Далее происходит надделение «мира-как-истории» смыслом и ценностным отношением со стороны познающего субъекта. Параллельно со всеми отмеченными процессами осуществляется обрастание базисной регулярности частными идеями или фрагментарными представлениями о мире. В результате формируется целостный концепт, или «гештальт», дающий объяснение макроистории на уровне мировоззрения. Описанный процесс рождения макроисторической компоненты строится на постоянном сочетании как априорных, или генетически обусловленных факторов, определяющих ход познавательного процесса, так и апостериорных оснований генезиса знания.

Анализ апостериорных, или приобретенных оснований генезиса макроисторической компоненты картины мира касается всего спектра исторически конкретных факторов, так или иначе непосредственно влияющих на ход познавательного процесса. В первую очередь в числе отмеченных факторов необходимо назвать феноменологию конкретно-исторической реальности, в которой создается макроисторическая компонента картины мира. Отмеченная феноменология носит сложный характер и состоит из множества аспектов. В частности, достаточно серьезное влияние на формирование макроисторических представлений оказывает характер непосредственного взаимодействия человека с вмещающей средой, основанный на сочетании потребностей культуры и возможностей их реализации в определенной среде. В данном аспекте наибольший интерес представляют работы М. С. Кагана, создавшего достаточно аргументированную и ясную теорию, согласно которой весь строй культуры определяется спецификой ее деятельностных оснований. В контексте указанной теории М. С. Каган осуществил анализ представлений о мире, формируемых в номадических, земледельческих и ремесленных культурах, обозначив строгую зависимость специфики отмеченных представлений от характера культурных потребностей и возможности их реализации в среде [2]. Кроме того, непосредственное влияние на формирование мировоззренческих трактовок истории оказывают специфика ландшафта и климатические особенности местности, где происходит адаптация человека. Достаточно подробно отмеченные зависимости были изучены Л. Н. Гумилевым в контексте анализа формирования макроисторических представлений на уровне этносов, включая особое понимание времени, пространства и духовных императивов [1].

Другим фактором, оказывающим непосредственное влияние на генезис представлений о макроистории, является состояние различных процессов внутри самой культуры. Дело в том, что культура, являясь «второй природой», представляет для человека специфическую форму реальности, феноменология которой определяет понимание мира не в меньшей степени, чем «первая природа». В результате, характер внутрикультурных процессов становится основой для создания трактовок общего мироустройства со стороны человека, включая понимание макроистории. Относительно уровня влияния феноменологии «первой» и «второй природы» на формирование макроисторической компоненты существует определенная закономерность, согласно которой изначально решающее значение на генезис макроисторических представлений оказывает «первая природа». Происходит это до тех пор, пока степень зависимости культуры от природного фактора сохраняет решающее значение. Данная тенденция в обязательном порядке проявляется в культурах, ведущим деятельностным основанием которых является собирательство, скотоводство или земледелие. Однако по мере развития культуры и преодоления ею решающей зависимости от природного фактора степень влияния внутрикультурных

процессов на формирование макроисторической компоненты невероятно возрастает. В первую очередь, названная закономерность проявляется в культурах, ориентированных на доминанту ремесла.

Воздействие внутрикультурных факторов на генезис макроисторической компоненты картины мира достаточно ярко просматривается в контексте стабильных и переходных состояний культуры. Так, историческая «стабильность» рождает макроисторическую компоненту, имеющую ряд специфических характеристик, а именно: системность строения; устойчивый пространственно-временной диапазон, равный степени взаимодействий человека со средой; четко просматриваемую и достаточно простую «базисную регулярность», задающую основной вектор исторического процесса; ясную смысловую направленность истории, включая ее стартовую и финальную фазы; смиренное либо оптимистическое отношение к происходящим в мире процессам со стороны субъекта. В свою очередь историческая «переходность» формирует макроисторические представления, характеристикой которых является: фрагментарность и суммарность строения; изменчивый и нестабильный пространственно-временной диапазон, вызванный познавательной дезориентированностью человека в контексте переходных процессов; наличие множества «господствующих ритмик» истории вследствие отсутствия ясно определяемой «базисной регулярности»; упадническое и пессимистичное отношение к исторической реальности. Отмеченные характеристики генезиса макроисторической компоненты в контексте стабильных и переходных состояний культуры имеют архетипическое происхождение, носят ярко выраженный дихотомичный характер и достаточно отчетливо проявляют себя на протяжении всей истории познавательного процесса.

И, наконец, в вопросе определения факторов, влияющих на развитие макроисторической компоненты картины мира, следует обратить внимание на состояние и уровень развитости самих ноогенетических структур, в контексте которых формируются те или иные макроисторические представления. В данном аспекте влияние прошлого ноогенетического опыта, направленного на понимание «мира-как-истории», и представляющего собой своеобразную «копилку» его трактовок, учитывать просто необходимо. Отмеченные трактовки служат отправными точками познания, если субъект, осмысляя реальность, оказывается в условиях, схожими с теми, в которых были созданы уже существующие гештальты. Следует отметить, что в некоторых ситуациях субъект склонен к буквальному заимствованию макроисторических компонент картин мира прошлых культур. Однако в большинстве случаев влияние эволюции ноогенетических структур на формирование макроисторических представлений строится посредством обогащения и усложнения уже существующих гештальтов макроистории либо создает условия для создания новых макроисторических компонент.

Таким образом, завершая анализ сущности и специфики макроисторической компоненты картины мира, в первую очередь, следует отметить особую роль О. Шпенглера в разработке теоретико-методологических оснований изучения данного феномена. В частности, анализ его работ позволяет констатировать, что макроисторическая компонента существует как обязательный (причем, не всегда осознаваемый субъектом) и первичный компонент картины мира. Кроме того, макроисторическая компонента, представляя собой «предельный» или базисный уровень понимания макроистории, создает своеобразный «интеллектуальный фон» для развития знаний в области ее постижения на философском и дисциплинарном уровнях. Так, на протяжении ноогенеза человечеством было создано большое число макроисторических компонент картины мира, которые в своей совокупности, представляя набор определенных «гештальтов» макроистории, периодически реанимируются, комбинируются и достраиваются субъектом в процессе интеллектуального освоения конкретно-исторической реальности. И, наконец, в становлении и развитии макроисторической компоненты картины мира существуют определенные закономерности, обусловленные как априорными, так и апостериорными основаниями.

Подводя итог рассмотрению вопросов, связанных с изучением макроисторической компоненты картины мира, необходимо отметить, что в настоящей статье представлены лишь общие контуры и направления изучаемой проблематики, однако данного материала вполне достаточно для того, чтобы сформировать представления о сущности и специфике изучаемого феномена. Соответственно, дальнейшая разработка отмеченных направлений изучения макроисторической компоненты картины мира представляет собой перспективную область для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Гумилев Л. Н. Этнос и категория времени // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР: этнография. Л., 1970. Вып. 15. С. 143-157.
2. Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. СПб.: Петрополис, 2000. Книга первая. 367 с.
3. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / пер. с англ.; под ред. В. Г. Трилиса. Киев: София; М.: Гелиос, 2002. 336 с.
4. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление: психологический очерк / пер. с англ. П. Тульviste; под ред. и с предисл. А. Р. Лурия. М.: Прогресс, 1977. 262 с.
5. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. М.: Просвещение, 1969. 659 с.
6. Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы / пер. с англ.; сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
7. Художественная культура в докапиталистических формациях: структурно-типологическое исследование / науч. ред. М. С. Каган; Ленингр. гос. ун-т им А. А. Жданова. Л.: ЛГУ, 1984. 304 с.
8. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Эксмо, 2006. 800 с.

MACRO-HISTORICAL COMPONENT OF PICTURE OF THE WORLD

Leonov Ivan Vladimirovich, Ph. D. in Culturology
Herzen State Pedagogical University of Russia
ivaleon@mail.ru

This article is devoted to the study of the essence and specificity of the macro-historical component of the picture of the world. The analysis of various aspects of this phenomenon is implemented in the context of O. Spengler's theoretical and methodological orientations. In particular, the article provides the overview of the "problem field" of macro-historical researches, describes the mechanisms of the formation and development of the macro-historical component of the picture of the world, and also considers its role in the development of philosophical and branch knowledge.

Key words and phrases: macro-history; noogenesis; picture of the world; macro-historical component of picture of the world; gestalt of history; paradigm.

УДК 1.091

Философские науки

Статья раскрывает взгляды русского поэта и философа Ф. И. Тютчева на проблему цивилизационных отличий русского и западноевропейского мира. Представлено авторское понимание историософии Ф. И. Тютчева как историософии религиозной. Автор приходит к выводу о том, что Тютчев видел подоплеку глобальных различий между Россией и Западом в разности христианских исповеданий – православия и католичества. Вместе с тем автор предлагает критический взгляд на видение Тютчевым будущего России и Европы, считая, что Тютчев недооценил секуляризацию православия в имперской России.

Ключевые слова и фразы: Россия; католичество; Европа; православие; революция; историософия; империя.

Матаков Константин Анатольевич, к. филос. н., доцент
Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
matakow@yandex.ru

РОССИЯ И ЗАПАДНЫЙ МИР В ТРУДАХ Ф. И. ТЮТЧЕВА®

Уже более 20 лет как после распада СССР наша страна занята мучительными поисками собственной сущности, обретением себя. С кем Россия – с Востоком или Западом? Или она не Восток и не Запад? Что определяет специфику русской культуры? Мы не первые, кто задается подобными вопросами. Уже споры славянофилов и западников в XIX веке дали множество ответов на эти вопросы. В данной статье мы хотим коснуться историософских размышлений известного славянофила, поэта Ф. И. Тютчева (1803-1873). В чем он видел кардинальные отличия между Россией и Западом? В чем видел корни этих различий? На каком основании он считал Россию оплотом христианского мира, а Запад – оплотом революции? Почему же в реальности все вышло наоборот? И, наконец, какое значение взгляды Тютчева на цивилизационное место России в мире имеют сегодня для нас?

В статье «Россия и революция», написанной в 1849 под впечатлением от революционных событий 1848 года в Европе, Тютчев сразу же формулирует основной тезис: «Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия» [3]. Россия – это Восток, Империя, Порядок. Революция – это Запад, Хаос. Поэт убежден, что скоро эти силы непременно схватятся между собой, и это будет борьба между добром и злом – не на жизнь, а на смерть. Дальнейшая расшифровка основополагающего тезиса также очевидна: «Прежде всего Россия – христианская держава, а русский народ является христианским не только вследствие православия своих верований, но и благодаря чему-то еще более задушевному. Он является таковым благодаря той способности к самоотречению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы. Революция же прежде всего – враг христианства. Антихристианский дух есть душа Революции, ее сущностное, отличительное свойство. Ее последовательно обновляемые формы и лозунги, даже насилия и преступления – все это частности и случайные подробности. А оживляет ее именно антихристианское начало, дающее ей также (нельзя не признать) столь грозную власть над миром. Кто этого не понимает, тот уже в течение шестидесяти лет присутствует на разыгрывающемся в мире спектакле в качестве слепого зрителя» [Там же]. То есть борьба между Россией и революцией – это не больше, не меньше, как борьба Бога с дьяволом; говоря о шестидесяти годах, Тютчев, конечно, имеет в виду время, прошедшее от начала Французской революции 1789 года до 1849 года.

Постсоветский русский начала XXI века, прочитав эти слова русского поэта, дипломата и философа, тут же усмехнется: какая там христианская держава? Какой православный народ? Да Вы, Федор Иванович, шутить изволите? Нет, Тютчев не шутит – он серьезен как никогда. И с этой серьезностью он разоблачает дух революции: «Не подумает ли каждый, кто услышит наивно богохульственные разглагольствования,